

Ян Вэньян считался в целом покладистым, разумным учеником — но в моменты беспокойства его наивный характер показывал себя в полной мере. От волнения он не мог хранить любую тайну дольше, чем горела палочка благовония — конечно же, и о знаниях Ли Инчуня скоро стало известно. К чести даоса Яна стоит сказать, что разболтал он все до последнего сказанного господином Ли слова только даосу Чжунчу, а уже тот передал сказанное слово в слово Пятому принцу. Так и вышло, что вечером в Сад камелий на глазах у заинтересованно вытянувших шеи жителей поместья влетел с лицом, выражение которого было не описать, Его Высочество во плоти. Двери павильона за ним торопливо закрыла Фэнцзи, а старик Линь, что возвращался в свой флигель, разогнал самых любопытных — так и вышло, что случившийся внутри разговор слышали немногие.

Фу Ичжэнь влетел в покои господина Ли, убирающего на места каллиграфические кисти и бумагу, словно безудержный ветер в горную долину, и остановился лишь когда между ним и Ли Инчуном остался стол на тонких ножках.

— Если ты снова дуришь их, — сказал Пятый принц, не отрывая от спокойного выражения господина Ли подозрительного взгляда. — То вне зависимости от твоих болезней я заставлю тебя на коленях просить прощения, — сказав так, Фу Ичжэнь некоторое время яростно, но с искрами тщательно скрываемой надежды смотрел на Ли Инчуня, а после спросил: — Ну?

— После подобных слов мне боязно вовсе открывать рот, — не меняясь в лице, отозвался господин Ли. Он спокойно закрыл деревянный футляр, в котором хранились кисти, и неспешно поставил его на полку на уровень своих глаз. Поглядев на футляр мгновение, Ли Инчунь подвинул его кончиками пальцев на несколько цуней в сторону и, удовлетворенный видом, вновь обернулся к Пятому принцу. Вид того, ожидающего и нетерпеливого, тоже был хорош.

— Не прикидывайся, — фыркнул Фу Ичжэнь. — Я не представляю, что надо вытворить, чтобы смутить тебя.

— О, у меня есть несколько идей...

— Так что не будем об этом, — строго закончил Пятый принц. Пусть в глубине его души тоже креп интерес, не время было для забав. — Говори, что тебе известно о проклятье моих шиди.

Рукой Ли Инчунь подал Фэнцзи знак уйти и девушка, нехотя поджав губы, без слов повиновалась. Когда в покоях они остались одни, господин Ли хромой, но твердой походкой пересек комнату и сел по одну сторону кровати лоухань. На другую он неспешно указал принцу. Фу Ичжэню не хотелось так просто подчиняться, но и причин спорить, вроде, не было, потому он тяжелыми шагами пересек комнату и опустился на указанное место. Стол примыкал к окну и, пусть теперь оно было закрыто, сквозь промасленную бумагу можно было разглядеть огни сада. На столе лежало несколько книг, стояла курильница для благовоний из хрусталя в виде плоской чаши, и несколько ароматических саше. Едва Пятый принц сел, как тело его окутал аромат чернил, полыни и сандаловых благовоний — тот запах, каким чаще всего пахли одежды господина Ли.

Он между тем неспешно сказал:

— Надеюсь, даос Ян передал мои слова в точности и не обещал того, что я сделать не могу.

— Ты не сказал ему многого, — прищурился Пятый принц. — Лишь подразнил знанием.

— Скорее предложил выменять его, — не замечая язвительности чужого тона, ответил Ли Инчунь. Обычно он держался величественно и отстраненно, но сейчас, вздохнув, уперся

локтем в столешницу красного дерева и тяжело подпер ладонью голову. Из ниоткуда показался Дами: семенящими шагами он пересек комнату и, ловко цепляясь когтями за подол одежд господина Ли, забрался ему на колени, устроившись там. Сначала котенок дергал шнур, на который был привязан нефритовый жетон на поясе Ли Инчуня, а когда юноша начал поглаживать его — принялся игриво грызть бледные пальцы. Господин Ли сказал: — Помнит ли Ваше Высочество, что моим первым учителем стал бродячий заклинатель?

— Да, ты говорил об этом, — внимательно слушая каждое слово, ответил Пятый принц.

— Он рассказывал мне много чудных историй, — опустив на Дами взгляд, сказал Ли Инчунь. — О заклинателях, что могут ходить под землей и летать в небе, о чудесных демонических городах и великих небожителях... Долгое время я почитал его истории сказками цзянху, какие рассказывают детям, но в последнее время убеждаюсь все чаще, но некоторые рассказы могли быть правдивы.

— В мире рек и озер происходит много всякого, — коротко ответил Фу Ичжэнь. Пусть сам он не был свидетелем невероятных чудес, на веку учителя случались великие сражения, падения и восхождения сект, уничтожения уровня совершенствования ради познания таинственных техник, восхождение к небесам... Словно поддерживая его размышления, Ли Инчунь говорил:

— Недавно Мин Цзе рассказал о такой удивительной вещи, как изменение предначертанных судеб, и я все более склонен верить ему, пусть и думаю еще проверить некоторые факты... Задумавшись об этом, я вспомнил сказки учителя и подумал, что некоторые его слова могут быть правдой.

— Например? — спросил Пятый принц. Голос Ли Инчуня, каждый раз когда он принимался говорить о чем-то вот так спокойно, словно напевая, завораживал Фу Ичжэня и ему приходилось напоминать себе о месте и времени, чтобы не утонуть в чужой речи без остатка. От этого принц сурово хмурился.

— Например о демонах, что живут в глухих горах, — ответил господин Ли. — Если я в своих догадках прав, то до того, как Чжунчу Чэн и Ян Вэньян оказались прокляты, они ходили в незнакомые, глухие места: возможно, на какую-то далекую гору?

Пятый принц поджал губы: неудачи шиди были словно и его неудачами, и признавать их юноше было сложно. Но все же он нашел в себе силы сказать:

— Горная гряда Хулифэн... В этом месте не так много чистой ци, но мало и голодных духов, потому туда любят уходить молодые совершенствующие, чтобы в медитации очистить душу и сердце. А-Чэн и Вэньян не любят толп, потому отошли от места обычных практик и поднялись выше на пик — там и встретили демона.

— Демоницу, если быть точнее, — сказал Ли Инчунь. Поглаживая Дами, он продолжал спокойным, чарующим голосом: — Учитель рассказывал, что на далекой горе в цзянху живет хули-цзин. Эта лисица древнее многих других и совершенствуется уже не одну сотню лет в своей резиденции на вершине горы. В отличие от своих сестер, жадных до быстрого могущества, эта хули-цзин хочет вознестись, потому бережет карму и не ворует людскую ци. Вместо того она год за годом медитирует в одиночестве. Силы лисицы растут, но без человеческой ци она стареет, и выглядит словно сухая старушка. Однако тем, кто решил над ней насмеяться, лучше быть осторожнее: хули-цзин легко может забрать года их жизни в наказание и оставить седыми стариками...

Пятый принц некоторое время молчал:

— Этого... они мне не рассказывали. Они сказали, что демон напал внезапно...

— А ты бы рассказал, что задира́л кого-то, и за это поплатился? — подняв взгляд на принца, спросил господин Ли. — Учитель бывал в гостях у той лисицы, и говорил, что она мирная, но не любит к себе высокомерного отношения. Скажи, Чжунчу Чэн и Ян Вэньян могли ее оскорбить?

На этот раз принц молчал дольше и лишь через долгое время признал:

— ...могли, — тут же он глубоко вздохнул и, запустив ладонь в волосы, растрепал еще более выбившиеся от спешки пряди. — Вот паршивцы. Я знал, что они те еще глупцы, но думал, что мне точно расскажут все как было и не станут увиливать. Я их...

— Умерьте свой гнев, Ваше Высочество, — сказал господин Ли, этой простой фразой в миг потушив запал Фу Ичжэня. Кажется, никогда он еще не звал принца Высочеством так ласково. С легкой улыбкой господин Ли продолжил: — Кто из нас не был молод и порывист? Пусть покаются за свои грехи — и все будет хорошо.

— Нет, одним покаянием они у меня не отделаются, — сурово пообещал Пятый принц и вновь посмотрел на Ли Инчуня. — Ну? Учитель говорил тебе, как снять проклятье?

Однако в этот раз господин Ли не спешил отвечать. Дами, оставивший в игре на тыльной стороне его ладони тонкие алые царапины, умаялся и заснул прямо лежа вверх беззащитным животом, пока Ли Инчунь кончиками пальцев поглаживал его. На лице юноши появилось задумчивое выражение:

— Кажется Ян Вэньяну я говорил, что за сведения полагается плата.

— Духовные камни, да? — спросил Фу Ичжэнь. — Я дам тебе столько, сколько пожелаешь.

— Нет, это была плата для них, — покачал головой господин Ли. Он поднял на Пятого принца взгляд из-под полуопущенных ресниц и Фу Ичжэнь заметил, что глаза его горят небывалым озорством. — Какой прок мне одинаковую награду брать с нищего и с Императора? Для одного и черствая булочка будет сокровищем, а другой не глядя отдаст горы серебра...

— Чего же ты тогда хочешь? — нахмурился Пятый принц. Ли Инчунь задумался:

— Я ожидал, что ко мне придет Чжунчу Чэн и совсем не думал что будет, если заявится Ваше Высочество. Так с ходу придумать достойную цену своим знаниям я не могу.

— И сколько же времени тебе нужно? — возмутился Фу Ичжэнь. — Они не могут ждать долго: проклятье все крепчает, и снять его с каждым днем будет все сложнее.

— Давайте поступим так, — с улыбкой сказал господин Ли. — Вы сейчас пообещаете мне, что исполните любое мое желание или просьбу, когда я таковую придумаю. Ваше Высочество должен дать слово и непременно его сдержать. Идет?

— Ты и у демона выторгуешь душу... — пробормотал Пятый принц, но согласился. — Идет! Как можно снять проклятье?

— Я ведь уже говорил, — ответил Ли Инчунь, глядя принцу прямо в глаза. — Пусть покаются за нанесенную обиду перед лисицей и все.

Лицо господина Ли было расслабленно, брови его гибкими вишневыми ветками обрамляли

глаза, а ресницы от света жаровен и ламп бросали в их уголки длинные тени, отчего взгляд юноши казался игривым. Он глядел прямо на Пятого принца не стыдясь своей хитрости: в его взгляде уловить можно было даже ожидание, словно он с нетерпением решал, как же поступит Фу Ичжэнь — в эти глаза словно в трепещущее пламя легко было засмотреться. Пятый принц думал, что должен злиться теперь, что его в который раз так легко провели, и душа его должна бурлить негодованием, но отчего-то любое раздражение смягчалось, обращаясь снисходительной нежностью. Фу Ичжэнь повторял, что это, конечно же, лишь от долгожданного способа снять с шиди проклятье, но нет-нет и пролетала белоснежным журавлем единственная мысль — это была, не иначе, удача трех жизней, что они с Ли Инчунем встретились.

Узнав долгожданный способ снять проклятье, Пятый принц не спешил сообщать его шиди. Он переживал за них более, чем злился, но решил, что несколько лишних часов ожидания для провинившихся молодых адептов не будут лишними. Оставшись в покоях господина Ли, он рассказывал ему о происходящем в императорском дворе и выпрашивал о делах поместья Фэн. Ли Инчунь не стал скрывать тяжелую болезнь молодого господина и слухи, что паутиной расплозлись теперь по поместью. Часть обитателей дома считала, что это наложница Чжоу связалась с темными силами, чтобы извести Фэн Жуна; другие же утверждали, что виновен в его болезни хозяин Сада камелий.

— Пусть болтают, — небрежно сказал на это господин Ли. — От слов бывает много зла, но еще больше — от молчания. Меня подобные слухи не задевают, потому и смысла тревожиться за них нет.

— Но ты все же расследуешь происходящее? — уточнил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь не стал уваливать:

— Меня вынудили, но в целом в этом есть некоторый интерес... Я не думаю, на самом деле, что самый очевидный виновник и есть источник всех бед, но требуется понять, как доказать это.

— Наложница Чжоу амбициозная женщина, но я знаю ее слишком плохо, чтобы сказать, на что она может быть способна, — задумчиво сказал Пятый принц. — Отравление?... Что ж, это вполне в ее силах.

— Каждый день из павильона Грушевого аромата приходят люди, чтобы принести молодому господину подарки, редкие травы и талисманы, — ответил Ли Инчунь. — На всякий случай я просил слуг принимать их, но не давать Фэн Жуну — состояние его, однако, не улучшилось.

Фу Ичжэнь молчал несколько мгновений, а потом уточнил:

— Он так плох?

— Приходит в себя несколько раз в день, в остальное время спит или бредит, — спокойным голосом отозвался господин Ли. — У него сильный жар и боли: старик Линь говорит, что это похоже на некоторые болезни, но сказать точнее не может.

Пятый принц разочарованно фыркнул:

— С этого идиота станется и умереть... — и тут же он посмотрел на господина Ли из-под сурово нахмуренных бровей. — Выясни все, что происходит с ним рядом.

— Благодарю Ваше Высочество за приказание, я уже начал выполнять его наперед, — язвительно отозвался Ли Инчунь, но голос его оставался спокоен и легок, словно о

происходящем он в самом деле не волновался. Через время юноша спросил: — Цзяняньский хоу за прошедшие дни предпринял что-то?

— Об этом слышно не было, — ответил Пятый принц. — После того, как ты вызвался продолжать расследование, он не совершал ничего предосудительного, словно ожидает, что предпримешь ты. Это молчание, на самом деле, невыносимое. Кроме того, терпение Императора тоже имеет границы — тебе лучше поскорее предоставить ему вразумительный ответ.

— Хорошо, много времени это не займет, — задумчиво кивнул Ли Инчунь. Котенок на его коленях глубоко заснул и, бессильно опустив лапы, тихо сопел. У него не было ни тревог, ни забот, и сердце его было свободно в равной степени и от обязательств, и от привязанностей.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1732601>